

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2017. – Т. 2 (68). № 1. – С. 115–123.

УДК 343.9.022

ПРЕВЕНЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАССМЕДИА: ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛЛАБОРАЦИИ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье выясняются роль и место средств массовой информации в системе предупреждения различных проявлений экстремизма и терроризма. Особое внимание уделено анализу законодательных инициатив российских парламентариев, касающихся сферы информационного противодействия экстремизму и терроризму, взаимодействия государства и массмедиа, а также установления ответственности за нарушения в данной области. Проведенное исследование позволило не только раскрыть проблемные вопросы в обеспечении участия медиа в превенции данных противоправных явлений, выявить уязвимые места современного медиапространства, но и разработать рекомендации по включению средств массовой информации в систему предупреждения экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: доступ к информации, информирование общественности, массмедиа, медиапространство, предупреждение экстремистской деятельности, противодействие терроризму, свобода слова, средства массовой информации.

Современные научные исследования вариативных проявлений экстремизма, терроризма и их суррогатов наглядно иллюстрируют неурегулированные и неизученные вопросы в этой области. В частности, это касается неадекватности нормотворческой деятельности и правоприменительной практики состоянию криминологической обстановки, дисбаланса в действиях органов безопасности и правопорядка, несоответствия материально-технической оснащенности и подготовки правоохранителей потенциальным и креативу криминалитета. Кроме того, ввиду порой маниакального отстаивания представителями медиа прав на свободу слова, доступа к информации и ее распространения, на второй план отходят вопросы обеспечения прав людей на жизнь и безопасность, реальную угрозу которым создает именно бестактная и некорректная журналистика. Особую актуальность нерешенность данных проблем приобретает при освещении актов терроризма и контртеррористических операций, ультраправых идей и «альтернативных» взглядов оппозиционных сил, националистических групп и псевдорелигиозных течений, граничащих или комбинированных с экстремистскими догматами либо террористической идеологией. Указанные обстоятельства повлияли на выбор предмета нашего исследования, подчеркивают его значимость и своевременность.

Учитывая реальные и потенциальные угрозы от противоправной деятельности в медиапространстве и киберсфере, некоторые исследователи предлагают выделять информационный экстремизм и терроризм. Так, Д. А. Ковлагина считает, что такой вид терроризма может осуществляться опосредованно (с помощью нагнетания общественного страха благодаря информационным вбросам, фальшивым сообщениям в средствах массовой информации, заострению внимания массмедиа к террористическим актам или личностям террористов) или непосредственно (когда в этих целях

террористические организации создают свои веб-сайты, средства массовой информации, радио- и телевизионные частоты) [1, с. 12, 100]. А. А. Курносенко высказывает мнение о деградации «типичного» экстремизма с выработанной идеологией, стремлением к национальному освобождению, конкретными политическими целями и системой финансирования. На смену этим девиациям приходит информационный экстремизм, задачей которого является нарушение коммуникаций для возникновения хаоса в информационном обществе. По мнению исследователя, отличительными чертами такого экстремизма являются: радикальность действий в достижении целей, реализации интересов; антисоциальность; аморальность; институциональность; искажение политико-правового мышления; противоправность результатов [2, с. 98, 100–101]. Однако данные характеристики свойственны и другим видам экстремизма (политическому, религиозному, национальному, этническому и др.) и терроризма (международному, националистическому, социальному, экологическому и др.). Поэтому информация, информационные технологии и информационные ресурсы могут выступать исключительно способом, средством либо орудием совершения преступлений террористического характера или экстремистской направленности. Соответственно, выделение отдельного вида экстремизма и терроризма – информационного – считаем недостаточно аргументированным.

В нашей стране указанные экстремизм и терроризм в медиапространстве прогрессируют благодаря деструктивной геостратегии ряда стран, их коалиций и альянсов (попытки создания однополярного мира, агрессивная антироссийская риторика, информационные войны, инспирируемые всплески русофобии, «фейковые новости» и др.), создающей дополнительные очаги напряженности и дисфункции в информационной среде. Несомненно, ведущую роль в содействии, потворстве или, наоборот, воспрепятствовании экстремизму и терроризму в этой сфере занимают традиционные средства массовой информации и инновационные (новые, цифровые) медиа [3; 4]. Вместе с тем некоторые из рассмотренных ниже проблем и разработанных предложений применимы и к таким интернет-ресурсам, как блоги, чаты, форумы, социальные сети. В первую очередь это связано с тем, что активная аудитория популярных страниц в социальных сетях может в сотни и даже тысячи раз превышать тираж печатных средств массовой информации, радио- или телеаудиорию, соответственно реагируя на те или иные посты, твиты или комментарии своих кумиров и виртуальных гуру. Однако этот сегмент требует не только инноваций при осуществлении контрольно-надзорных функций, но и конструктивных изменений в общественном сознании.

Однобокое или субъективное освещение средствами массовой информации контрэкстремистской и антитеррористической деятельности в Российской Федерации и за рубежом, отсутствие у большинства журналистов и представителей интернет-сообществ эмоциональных якорей, моральных стопоров и внутреннего самоконтроля на фоне роста внешних и внутренних экстремистских и террористических угроз, систематических попыток дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране и регионах в новейшей истории не могли не сказаться на законотворческих инициативах российских парламентариев.

Так, в проекте федерального закона от 31.10.2001 № 146522-3 предлагалось изложить п. 2 ст. 15 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» в следующей редакции:

«Не допускается распространение через средства массовой информации либо иным образом сведений: раскрывающих специальные технические приемы и тактику проведения контртеррористической операции; способных затруднить проведение контртеррористической операции и создать угрозу жизни и здоровью людей, оказавшихся в зоне проведения контртеррористической операции или находящихся за пределами указанной зоны; служащих пропаганде или оправданию терроризма и экстремизма, а также высказываний террористов, экстремистов и иных лиц, препятствующих осуществлению контртеррористических операций, которые пропагандируют и/или оправдывают сопротивление проведению контртеррористических операций в любой форме» [5].

Считаем, что данная законодательная инициатива была связана с популяризацией нетрадиционных мировоззрений и деструктивных убеждений в новом тысячелетии. При этом важно понимать, что в отличие от любой другой общеуголовной преступности экстремизм и терроризм теоретически аргументируют и пытаются идеологически оправдать свою противоправную деятельность, тем самым привлекая неопитов в ряды сторонников и последователей, вводя в заблуждение обывателей по поводу своих истинных целей и намерений. По мнению Е. В. Безручко, такая «легализация» необходима прежде всего для обоснования применения насилия [6, с. 84].

Другой проект (от 16.02.2004 № 17151-4) должен был стать симметричным ответом на особо тяжкие последствия, связанные с масштабной деятельностью террористических организаций в Российской Федерации и за ее пределами. Законодательная инициатива предполагала дополнение Закона «О средствах массовой информации» новой статьей такого содержания:

«Статья 4¹. О требованиях при информировании о террористической акции

В целях противодействия информационному терроризму и недопущения психологического воздействия на граждан, при информировании граждан о совершенной террористической акции не допускается показ в телепрограммах тел людей, погибших в результате террористической акции, а также фрагментов человеческих тел» [7].

Несомненно, главные цели террористов – устрашение населения и дестабилизация общественно-политической обстановки – достигаются прежде всего благодаря информационному прессингу социума, поэтому публикации в печатных изданиях, демонстрация на телевидении или в интернет-ресурсах человеческих жертв и разрушений будут содействовать их достижению. Как указывается в законопроекте, такая запретная мера даст позитивный социальный эффект еще потому, что лишит террористов возможности экспонировать свою силу и влияние, отчитываться о своей деятельности перед организаторами и заказчиками террористических актов, показывать ее потенциальным адептам, а также защитит общество от долговременного психологического удара (в том числе оградит родственников и близких погибших от дополнительной психологической травмы).

Похожую цель преследовали и авторы проекта федерального закона от 10.02.2004 № 15123-4, которым инициировался запрет на распространение в теле- и видеопрограммах информации о произошедших террористических актах, за исключением информации, распространяемой правоохранительными органами, в компетенцию которых входит обеспечение безопасности граждан и проведение оператив-

но-следственных мероприятий по фактам совершения террористических актов [8]. Другими словами, предлагалось расширить действие нормы об информировании общественности о террористических актах при проведении контртеррористической операции и на их освещение без проведения последней. Однако, на наш взгляд, такая норма противоречила бы положениям ст. 29 Конституции Российской Федерации.

В 2005 г. вновь была предпринята попытка оградить общественное сознание от негативного влияния массмедиа. Авторы проекта федерального закона от 08.06.2005 № 183512-4 отстаивали необходимость внесения изменений в ст. 36 Закона «О средствах массовой информации» с целью ограничения до 10 % от общего объема информации в периодических печатных изданиях, радио-, теле- и кинохроникальных программах информации о преступлениях, чрезвычайных ситуациях и происшествиях [9]. Но такие лимитирование и цензурирование недопустимы при реализации информационной политики в демократическом правовом государстве.

Одновременно с этим полагаем, что систематическое заострение внимания журналистов на национальной, расовой принадлежности или отношении к религии как организаторов, идеологов и исполнителей террористических актов, так и потерпевших от террористической деятельности закономерно приводит к возбуждению этнонациональной и религиозной ненависти и вражды в обществе. Поэтому цель разработки проекта федерального закона от 15.03.2007 № 406891-4 заключалась в установлении запрета на распространение в средствах массовой информации и компьютерных сетях таких сведений [10]. Несколько позднее, не ограничиваясь возможной причастностью к экстремистской или террористической деятельности, депутаты Московской городской Думы предлагали установить административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, в том числе с использованием компьютерных сетей, сведений о национальной, расовой принадлежности или об отношении к религии потерпевших, лиц, совершивших правонарушения, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (проект федерального закона от 06.10.2010 № 435351-5 [11]).

В законодательной инициативе Парламента Чеченской Республики от 25.11.2015 № МД-1196 также обосновывалась необходимость дополнения Федерального закона «О противодействии терроризму» статьей 23¹ «Информационное противодействие террористической деятельности» [12]. Как главный недостаток рассматриваемых предложений отметим, что задачи по информационному противодействию террористической деятельности возлагались исключительно на средства массовой информации. Убеждены, что в такой работе должны принимать активное участие и органы публичной власти всех уровней, правоохранительные и иные государственные органы, другие институты гражданского общества и граждане. Разработка данного проекта была обусловлена дискредитацией мусульман преступной деятельностью религиозных фанатиков, радикальных исламистов и «Исламского государства» (организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации), ее тенденциозной оценкой либо искаженной интерпретацией в массмедиа и интернет-пространстве. Именно поэтому при освещении соответствующих событий и происшествий предлагалось приравнивать распространение средствами массовой информации сведений, указывающих на национальную или религиозную принадлежность лиц или их групп, причастных к террористической деятельности, к

действиям, направленным на разжигание межнациональной и межконфессиональной розни.

Стоит указать, что по общему правилу обработка специальных категорий персональных данных о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях не допускается (ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных»). А ответственность за нарушения законодательства в области персональных данных предусмотрена ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Несмотря на это, контент-анализ соответствующих публикаций в средствах массовой информации и интернет-ресурсах свидетельствует об игнорировании этих диспозиций в федеральном законодательстве. Именно с этим связаны многочисленные попытки различных субъектов законодательных инициатив легализовать слоган «у преступника нет национальности», как и вероисповедания и других убеждений, которые могут стать причинами и поводами для предвзятого восприятия социумом его противоправных деяний. По нашему мнению, соблюдение массмедиа таких ограничений позитивно повлияло бы на состояние криминологической обстановки в целом, значительно снизило градус политической, этнической, национальной и религиозной напряженности и ксенофобских настроений в обществе.

Кроме того, считаем мотивированной попытку законодателей дополнить ст. 4 Закона «О средствах массовой информации» запретом на использование средств массовой информации для распространения любых материалов от имени лиц, находящихся в розыске или осужденных по обвинению в причастности к террористической деятельности (проект от 05.04.2010 № 353356-3 [13]). Такая норма могла бы стать действенным правовым инструментарием превенции экстремизма и терроризма в медиaprостранстве, купировать каналы распространения деструктивных мировоззрений и создать дополнительный барьер для экспансии экстремистской и террористической идеологии.

Что касается сферы противодействия экстремизму, можно указать предложения установить ответственность за распространение экстремистских материалов в сети Интернет (проекты от 17.05.2008 № 60203-5 [14], от 03.12.2008 № 134727-5 [15]). Эти инициативы связаны с простотой, дешевизной, доступностью, анонимностью и относительной бесконтрольностью интернет-пространства, а также виртуализацией профессиональной преступности, в том числе связанной с экстремистской и террористической деятельностью. Подтверждая наши выводы, В. Э. Мозговой справедливо указывает, что коммуникативные акторы интернет-ресурсов неформальной коммуникации (социальные сети, блогосфера, форумы, стримеры), реализуя вещательную инициативу, способствуют росту непроверенных, провокационных, гиперболических и дезинформационных сообщений в медиaprостранстве и его перегруженности вследствие трансляции так называемого «информационного шума» [16, с. 9]. Как уже акцентировалось выше, эта сфера общественных отношений требует нормативного урегулирования, особого внимания правоохранителей и социального контроля [17, с. 24; 18, с. 88–90; 19, с. 228–230].

Проанализированные выше проекты федеральных законов ввиду недостаточной аргументированности, бессистемности или некоторой противоречивости так и остались на стадии законодательных инициатив, хотя некоторые из их положений спроецированы в действующие нормативные правовые акты либо продолжают про-

ходить обсуждение в комитетах парламента Российской Федерации. По нашему мнению, большинство из них нацелено не на установление цензуры, ограничения свободы слова, доступа и распространения информации, создание препятствий для профессиональной журналистики, а включение средств массовой информации в систему предупреждения экстремизма и терроризма, их имплементацию в единый антитеррористический (контрэкстремистский) фронт. Иными словами, деятельность медиа должна предусматривать содействие компрометации экстремистов, террористов и их идеологии, превенции распространения вредного и опасного контента в информационном пространстве, обеспечение проактивного участия в формировании жизненных ценностей и морально-нравственных ориентиров своей аудитории. Тем не менее, в отличие от контрэкстремистского законодательства, в Федеральном законе «О противодействии терроризму» отсутствуют нормы (даже бланкетные или отсылочные), которые регулируют деятельность средств массовой информации в данной области. А действие ч. 4 ст. 20.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях распространяется исключительно на средства массовой информации, зарегистрированные в установленном порядке, оставив без внимания представителей различных интернет-сообществ.

В качестве положительного примера в этой сфере можно привести антитеррористическое законодательство Республики Молдова. Так, новеллой в Законе «О предупреждении и борьбе с терроризмом» стало включение специальных мер постоянного характера по информированию и связям с общественностью в систему предупреждения терроризма. Соответственно, глава V данного Закона содержит:

– статью 33 «Участие средств массовой информации в профилактике терроризма», которая обязывает, с одной стороны, государственные органы поощрять участие средств массовой информации в профилактике терроризма и экстремизма, а с другой, руководителей массмедиа не допускать в подготавливаемых материалах оправдания террористической деятельности, проявлений экстремизма, распространения идей, которые могут привести к межконфессиональной, этнической и расовой конфронтации. По нашему убеждению, такое информирование должно быть правдивым, достоверным и объективным, а массмедиа обязаны играть ключевую роль в этой сфере информационного противодействия проявлениям терроризма и экстремизма;

– статью 34 «Информирование общественности о кризисной ситуации террористического характера», устанавливающую регламент привлечения руководителем Антитеррористического оперативного командования представителей средств массовой информации к освещению таких происшествий. Вместе с тем считаем, что руководители органов безопасности и правопорядка, в том числе их временных формирований, обязаны принимать меры по развитию у личного состава коммуникативных способностей, формированию культуры общения с медиа, умений и навыков интерпретации, анализа, оценки событий и происшествий (получение медиаобразования, изучение основ коммуникологии и медиалогии);

– статью 35 «Ограничения для представителей средств массовой информации», включая запреты на: интервьюирование, анкетирование террористов и освобожденных заложников без необходимого разрешения; оказание помощи террористам в распространении их заявлений, убеждений и взглядов с помощью средств массовой информации; выступление в качестве посредника при ведении переговоров с терро-

ристами без соответствующего допуска; информирование о силах и средствах контр- или антитеррористической операций, другой информации без разрешения Антитеррористического оперативного командования; рекомендации и советы террористам, заложникам, правоохранительным органам; оскорбление либо угрозы террористам во избежание эскалации напряженности [20]. То есть средства массовой информации не должны ни прямо (вмешательство в работу правоохранителей), ни косвенно (утрирование или драматизация ситуации, «смакование» подробностей трагических событий, спекуляция либо манипулирование фактами, дезинформация общественности) содействовать экстремистской либо террористической деятельности.

Жогорку Кенеш Кыргызской Республики также осуществил попытку детализировать компетенцию средств массовой информации в этой области. В частности, в Законе «О противодействии терроризму» определены их обязанности (ст. 12), механизм взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления и субъектами, осуществляющими противодействие терроризму (ст. 13), а также ответственность за нарушения обязанностей в части содействия противодействию терроризму, вплоть до уголовной либо принятия судебного решения о прекращении деятельности (ст. 14) [21]. Ключевыми, по нашему мнению, нормами в информационно-пропагандистском обеспечении системы противодействия терроризму стали закрепление: во-первых, приоритета права человека на жизнь и безопасность, общественной безопасности по отношению к свободе доступа к информации и журналистской деятельности в целом; во-вторых, обязательного участия средств массовой информации в межрелигиозном, межнациональном и межэтническом диалоге, гармонизации межконфессиональных отношений и урегулировании конфликтных ситуаций в данной сфере.

Иначе говоря, несмотря на значительный контрэкстремистский и антитеррористический опыт в Российской Федерации, анализ действующего законодательства, деятельности правоохранительных органов и контент-анализ информационных ресурсов свидетельствуют о том, что средства массовой информации пока выпадают из информационно-пропагандистского сегмента предупреждения данных социально опасных явлений либо участвуют в таких мероприятиях инициативно, эпизодично и бессистемно. Деятельность медиа в этой области, включая их права, обязанности и ответственность, требует упорядочения, конкретизации и законодательной регламентации.

Таким образом, массмедиа, как четвертая ветвь власти, по-прежнему оказывают огромное влияние на миропонимание, убеждения, настроения и мысли людей. Поэтому остается актуальным высказывание академика П.Л. Капицы: «Средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения» [22]. Приходится констатировать, что львиную долю современного информационного продукта составляют сведения и данные о преступлениях, катастрофах и катаклизмах. Эти обстоятельства (даже если чрезвычайные ситуации и происшествия происходят за рубежом, имеют локальный масштаб и незначительные последствия) негативно влияют на криминологическую обстановку в целом, деструктивно действуют на психику граждан, особенно молодежи и несовершеннолетних, а также могут укрепить в социуме сомнения в результативности мер по противодействию преступности, повысить уверенность в уязвимости системы обеспечения общественной безопасности, подорвать авторитет органов государственной власти и управления. В свою очередь, данный фактор продуктивно используют террористические организации, реализуя свои цели, а также ангажированные массмедиа, иностранные агенты влияния и «оппозиционные» силы. Именно поэтому для достижения позитивного

социального эффекта необходимы развитие мутуалистических связей, налаживание конструктивного, доверительного и взаимовыгодного диалога государства (в лице Национального антитеррористического комитета, органов безопасности и правопорядка) и традиционных и инновационных медиасистем, прежде всего освещающих результаты противодействия экстремистской и террористической деятельности.

Список литературы:

1. Ковлагина Д. А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 270 с.
2. Курносенко А. А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. соц. наук. – Краснодар, 2016. – 172 с.
3. Журавленко Н. И., Коноплева А. А. Осмысление явления информационной войны // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 302–304.
4. Скребец Е. С. Информационное обеспечение противодействия экстремизму // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 128–131.
5. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/146522-3>> (последнее посещение – 1 июня 2018 г.).
6. Безручко Е. В. Насилие как основное средство материализации идеологии экстремизма // Юристы-Правоведь. – 2012. – № 1 (50). – С. 82–84.
7. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/17151-4>> (последнее посещение – 1 июня 2018 г.).
8. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/15123-4>> (последнее посещение – 1 июня 2018 г.).
9. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/15123-4>> (последнее посещение – 2 июня 2018 г.).
10. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/406891-4>> (последнее посещение – 2 июня 2018 г.).
11. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/435351-5>> (последнее посещение – 2 июня 2018 г.).
12. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/942687-6>> (последнее посещение – 3 июня 2018 г.).
13. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/353356-3>> (последнее посещение – 3 июня 2018 г.).
14. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/60203-5>> (последнее посещение – 3 июня 2018 г.).
15. Перечни законопроектов и проектов постановлений <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/134727-5>> (последнее посещение – 2 июня 2018 г.).
16. Мозговой В. Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. ... канд. соц. наук. – Краснодар, 2015. – 144 с.
17. Иванов С. И. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 16-1. – С. 23–24.
18. Никитина Л. Н. Чрезмерное увлечение компьютерными играми как фактор девиантного поведения несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1 (38). – С. 86–92.
19. Смирнова М. И. Развитие критического мышления как основы информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД России в условиях информационной войны // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография под общ. ред. С.А. Буткевича. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 223–234.
20. О предупреждении и борьбе с терроризмом: Закон Республики Молдова от 21 сентября 2017 г. № 120 // Официальный монитор. – 2017. – № 364–370. – Ст. 614.
21. О противодействии терроризму: Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 (в ред. от 13 мая 2017 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 2006. – № 10. – Ст. 854.
22. Socratify.net. Петр Леонидович Капица, цитаты <<https://socratify.net/quotes/petr-leonidovich-kapitsa>> (последнее посещение – 1 июня 2018 г.).

Butkevich S. Prevention of extremism and terrorism and mass media activities: synthesis problems and prospects of collaboration // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 3. – P. 117–125.

The article clarifies the role and place of the mass media in the system of preventing various manifestations of extremism and terrorism. Particular attention is paid to the analysis of legislative initiatives of Russian parliamentarians concerning the sphere of information counteraction to extremism and terrorism, interaction of

the state and mass media, as well as establishing responsibility for violations in this area. The conducted research allowed not only to reveal problematic issues in ensuring media participation in the prevention of these unlawful phenomena, to reveal the vulnerabilities of modern media space, but also to develop recommendations for inclusion of the media in the system of preventing extremism and terrorism.

Key words: access to information, public information, mass media, media space, prevention of extremist activity, counteraction to terrorism, freedom of speech, mass media.

Spisok literatury

1. Kovlagina D.A. Informacionnyj terrorizm: ponyatie, ugolovno-pravovye i inye mery protivodejstviya: dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2016. – 270 s.
2. Kurnosenko A.A. Internet v processe formirovaniya pravovoj kul'tury molodezhi v usloviyah transformiruyushchegosya rossijskogo obshchestva: dis. ... kand. soc. nauk. – Krasnodar, 2016. – 172 s.
3. Zhuravlenko N.I., Konopleva A.A. Osmyslenie yavleniya informacionnoj vojny // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2016. – № 5 (96). – S. 302–304.
4. Skrebec E.S. Informacionnoe obespechenie protivodejstviya ehkstreizmu // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (30). – S. 128–131.
5. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/146522-3> (data obrashcheniya: 01.06.2018).
6. Bezruchko E.V. Nasilie kak osnovnoe sredstvo materializacii ideologii ehkstreizma // Yurist"-Pravoved". – 2012. – № 1 (50). – S. 82–84.
7. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/17151-4>> (poslednee poseshchenie – 1 iyunya 2018 g.).
8. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/15123-4>> (poslednee poseshchenie – 1 iyunya 2018 g.).
9. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/15123-4>> (poslednee poseshchenie – 2 iyunya 2018 g.).
10. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/406891-4>> (poslednee poseshchenie – 2 iyunya 2018 g.).
11. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/435351-5>> (poslednee poseshchenie – 2 iyunya 2018 g.).
12. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/942687-6>> (poslednee poseshchenie – 3 iyunya 2018 g.).
13. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/353356-3>> (poslednee poseshchenie – 3 iyunya 2018 g.).
14. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/60203-5>> (poslednee poseshchenie – 3 iyunya 2018 g.).
15. Perechni zakonoproektov i proektov postanovlenij <<http://sozd.parliament.gov.ru/bill/134727-5>> (poslednee poseshchenie – 2 iyunya 2018 g.).
16. Mozgovoj V.Eh. Informacionnyj ehkstreizm v usloviyah sociokommunikativnyh transformacij rossijskogo obshchestva: dis. ... kand. soc. nauk. – Krasnodar, 2015. – 144 s.
17. Ivanov S.I. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij v seti Internet // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2018. – № 16-1. – S. 23–24.
18. Nikitina L.N. CHrezmernoe uvlechenie komp'yuternymi igrami kak faktor deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih // Prikladnaya juridicheskaya psihologiya. – 2017. – № 1 (38). – S. 86–92.
19. Smirnova M.I. Razvitie kriticheskogo myshleniya kak osnovy informacionnoj kul'tury kursantov obrazovatel'nyh organizacij sistemy MVD Rossii v usloviyah informacionnoj vojny // Protivodejstvie ehkstreizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya pod obshch. red. S.A. Butkevicha. – Simferopol': KF KrU MVD Rossii, 2015. – S. 223–234.
20. O preduprezhdenii i bor'be s terrorizmom: Zakon Respubliki Moldova ot 21 sentyabrya 2017 g. № 120 // Oficial'nyj monitor. – 2017. – № 364–370. – St. 614.
21. O protivodejstvii terrorizmu: Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 8 noyabrya 2006 g. № 178 (v red. ot 13 maya 2017 g.) // Vedomosti Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoj Respubliki. – 2006. – № 10. – St. 854.
22. Socratify.net. Petr Leonidovich Kapica, citaty <<https://socratify.net/quotes/petr-leonidovich-kapitsa>> (poslednee poseshchenie – 1 iyunya 2018 g.).